

Во все времена истинных рабов Божиих уничтожали. Апостол говорит в Послании к Тимофею: *все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы* (2 Тим. 3; 12). Большинство людей, даже в христианском обществе, не понимали и не принимали монашества. То, что монашество было, есть и будет—это исключительно действие силы Божией. Это чудо Божие, что в условиях совершенно враждебных Господь хранит Свое стадо, как Он сказал: *посылаю вас как овец среди волков* (Мф. 10; 16). И в золотые века христианства были не только христиане, были и язычники, и еретики; и если рассмотрим историю Византийской империи или историю Египта, Сирии и Палестины, где подвизались иноки, то увидим, что там всё время происходили какие-то войны, нашествия варваров, всяческие бедствия, восставали лжеучителя, императоры становились еретиками-гонителями. Поэтому и в те времена к инокам достаточно часто относились с пренебрежением и уничтожением, тем более, что люди, погруженные в мирскую жизнь, просто не понимают монахов, иногда даже боятся их, как какого-то сверхъестественного явления, имеют перед ними суеверный страх. Благочестивые же христиане не могут не почитать и не уважать монашества; они искренне, с любовью смотрят на иноческий подвиг. «Инокам свет — Ангелы, а мирянам свет — иноки».

Иеромонах Сергий (Рыбко)

Сегодня мы поговорим с о.Сергием об очень странном явлении — странном с точки зрения современной цивилизации; о явлении, которое явно не вписывается в рамки привычного. Тем не менее, на протяжении веков и даже уже тысячелетий оно являлось, пожалуй, определяющим в развитии христианства. Речь идет о монашестве.

— Отец Сергий, от людей нецерковных, околоцерковных и вовсе безрелигиозных часто приходится слышать, что христиане, а в особенности — монашествующие, — это какие-то ненормальные люди. В каком-то смысле, это так, ведь то, что для современного нерелигиозного общества, пытающегося строить свое бытие автономно от Бога, не воспринимающего мир в духовном плане, кажется нормальным и даже основополагающим, отвергается монашеством. И наоборот: монашество живет такими ценностями, которые для современного общества вообще никакими ценностями не являются. Возьмем момент, который прежде всего бросается в глаза, хотя он, может быть, не является самым главным: основная ячейка общества — это семья, монашествующие же от семьи отказываются.

Отец Сергей, что же все-таки движет людьми, когда они принимают монашество? Для чего человек оставляет привычный образ жизни и живет по совершенно другим законам, совершенно другим правилам, в отличие от большинства людей вокруг?

— Я не могу отвечать за всех монашествующих, но приведу один классический пример современных предрассудков. Есть такая расхожая фраза: «Вот, мол, ухожу, ухожу в монастырь, от несчастной любви или чего-либо подобного». Так вот: таких людей я в монастыре не встретил ни одного. Действительно, отказаться от этого мира, от всех ценностей, благ, привычных понятий, и уйти в святую обитель — достаточно серьезный шаг для человека. Этому решению предшествуют многие годы, порой десятилетия. Без особой Божией воли, Божьего благословения, говоря современным языком — без особого Божьего призвания — это сделать невозможно.

Расскажу о себе. В юности горячее богоискательство, поиски смысла жизни, жизненных ценностей привели меня в Церковь, к Православию. Жизнь в Православной Церкви, восприятие человеческой жизни, культуры через учение Христово привели меня к тому, что оставаться в миру, оставаться православным мирянином для меня как-то мало, недостаточно. Мир начал утомлять. Многие, наверное, слышали высказывание Екклесиаста: *Всё суета сует, и всяческая суета, и всё суета и томление духа* (Екк. 1; 2,14) в этом мире.

Человек, который призывается к жизни монашеской, начинает ощущать в этом мире своеобразное томление духа. Ему хочется жизни более высокой. Поскольку Господь — это совершенная Любовь, совершенная Красота, совершенная Премудрость, это вообще — средоточие всего, — то душа, которая хочет полноты жизни духовной,

стремится к полноте богообщения. Такие люди и уходят в монастыри.

Некоторые считают, что разрыв с миром — это какая-то трагедия жизненная, что человек переживает, мучается. У меня такого не было.

— *То есть монашество — уход не ОТ чего-то, а К чему-то?*

— Да. ДЛЯ чего-то.

— *Для чего-то большего, чем ты оставляешь?*

— Да. Причем этот выбор всегда добровольен. Человек очень многое, конечно, взвесит, сопоставит, о многом подумает, потому что дело очень серьезное. И если он найдет, что жизнь в монастыре, в служении Богу выше, полнее, чем жизнь в миру, она, как это ни странно, более многообразная и разнообразная, — то, ощутив это, человек очень легко и просто уходит в монастырь, совершенно не оглядываясь назад.

Со мной это было именно так. Я ушел в монастырь пятнадцать лет назад, в 1988 году. Этому предшествовало несколько лет жизни при храме, потому что тогда монастырей практически не было, а в те два, которые были, молодых людей не брали. И с тех пор, как я вступил в обитель, мне ни разу даже не приходило в голову какого-то сожаления или сомнения в избранном пути. Хотя сейчас я настоятель московского храма, живу в большом городе, наполненном всеми соблазнами и всеми благами века сего, идеалы монашества для меня не померкли, даже, наоборот. Едешь по улицам Москвы, посмотришь вокруг и думаешь: «Для чего все это? Зачем? Как хорошо в монастыре — тихо, спокойно, мирно».

— *Отец Сергей, наверное, каждый приходит к монашеству — как и вообще к Богу, в Церковь —*

по-своему. У каждого есть своя область в душе, куда постороннему не стоит вторгаться. Поэтому сегодня хотелось бы поговорить не столько о личном восприятии монашества, сколько о монашестве как движении, как установлении. Ведь монашество существует, например, в буддизме. Что-то вроде монашества существовало в Ветхозаветной церкви. И уже с первых веков христианства, наверное, возникали общины тех людей, которые предпочитали девственную жизнь. Но как организованное движение монашество появилось в христианской Церкви не сразу. Помимо того, что на это, конечно была воля Божия, каковы были, на Ваш взгляд, внешние предпосылки возникновения монашества как организованного движения?

— Как сказал Господь в Евангелии от Иоанна, не может человек ничего принимать на себя, если не будет дано ему с неба (Ин. 3; 27). Думаю, что монашество было изначально заложено в христианстве. В первые века в нем не было нужды, поскольку христиане жили по очень высоким меркам. Несмотря на то, что они все оставались семейными людьми, современным монахам, которые освобождены от бремени семейного служения до них далеко. Века первохристиан — это века святых людей, когда Церкви состояли из людей святых, духовно совершенных.

Отсюда мы видим, что семейные узы сами по себе не препятствуют достижению святости, духовного совершенства. Другое дело, что на семейные заботы уходит много времени и сил. Как говорит св. апостол Павел в своих посланиях, «замужняя женщина заботится о том, как угодить мужу, а незамужняя женщина свободна, и она может угождать Богу» (1Кор. 7; 34). То есть ей ничто не препятствует в служении Богу. И еще Господь сказал в Евангелии, что «лучше человеку

не жениться» (см. Мф. 19; 10–12). Он не запретил жениться, и даже первое свое чудо совершил на браке в Кане Галилейской, претворив воду в вино, когда вина не хватило. То есть впервые явил свою благодатную силу на таком человеческом событии, как брак. Тем не менее, Тот же Господь сказал, что «лучше человеку не жениться». Лучше в том смысле, что у человека будет больше возможностей для занятий духовных.

— То есть удобнее, — руки развязаны?

— Да. Поэтому, мне кажется, Господь изначально это предусмотрел. Когда век апостольский стал постепенно уходить, ему на смену пришел век мученический; затем при св. равноап. Константине Великом по царским указам гонения прекратились. И в историческом отношении мы видим, что монашество появилось тогда, когда христианство стало государственной религией и люди часто стали принимать его из меркантильных соображений, потому что, очевидно, сделать карьеру в христианском государстве, где Царь — христианин, можно было только христианину. Многие стали принимать крещение далеко не только из любви к Богу и каким-то высоким духовным идеалам.

В Церковь стали вступать люди, в общем-то, посторонние, и поскольку они сразу стали низводить жизнь Церкви с той духовной высоты, которая была в первые века христианства, то и появились люди, ревновавшие о чистоте нравов первохристиан. Они стали уходить из мира и основали первые обители. Они и стали первыми монахами.

Таким образом, возникновение монашества как такового совпало по времени с тем, что христианство, с одной стороны, стало торжествующей религией, а с другой стороны, в него вступили более

слабые члены, то есть, в общей массе христиан произошло охлаждение. Положение стало противоречивым. И тогда те, кто хотел сохранить чистоту веры и высоту христианской жизни, стали удаляться, просто чтобы не поддаться общему настрою, не охладеть душой.

Это было заложено изначально. И с тех пор христианство разделяется на такое мирское христианство — есть миряне и белое священство — и монашество, так называемое в народе, черное духовенство.

И с тех пор, если мы посмотрим в святцы, святость, главным образом, воспитывается в монастырях. Монастыри — особые места, где есть условия для воспитания в человеке духовного совершенства, есть условия для духовной практики: молитв, поста и вообще делания заповедей Божиих. Там ничто не мешает этому. В святой обители человек имеет возможность расти духовно и достигает совершенства, если не остановится на этом пути.

— Отец Сергей, но ведь первые монастыри находились в пустыне — то есть там, где не было человеческих поселений, вдали от городов. Люди действительно уходили из мира, и если кто-то хотел посетить, скажем, Антония Великого, получить от него совет, наставление, нужно было предпринимать нелегкое путешествие в пустыню, где жили иноки. А на протяжении истории христианства и сейчас мы видим несколько иную картину: монастыри существуют в городах, прямо посреди этого самого мира. Почему же монахи вернулись назад?

— Этому был целый ряд причин, достаточно объективных. Начнем с того, что прообраз монашеских общин существовал еще во времена правления язычников — были такие общины девственников. Некоторые из царей были прямыми гонителями

христиан, а некоторые были веротерпимы; им было все равно. Поэтому бывали периоды гонений, а бывали времена относительно спокойные. И вот в такие спокойные времена в городах возникли общины девственников. Почему именно в городах? Потому что, если в языческие времена девушки жили где-то в уединении, они, естественно, могли подвергнуться всяким опасностям и насилию и не в силах были бы защитить себя.

В дальнейшем первые монахи действительно поселились в пустынях, но потом часть из них постепенно стала тяготеть к городам: часть — потому что всегда оставались отшельники, отшельничество, и наиболее строгие монастыри были в пустынях.

Одна из причин возвращения в города — возникновение ислама. Даже язычники никогда так не преследовали монашество и христианство, как это делали магометане. Если магометане находили монастырь, они просто вырезали его полностью. Вырезали и выжигали, а если монастырь был женский — монахинь насильовали, уводили в рабство. И когда началось это столкновение христианского мира с исламом, монахи были вынуждены просто прятаться за монастырскими крепостными стенами. Это первая и основная причина.

Кроме того, первые пустынники были настолько сильны и телом, и духом, что могли быть совершенно ни от кого не зависимы. Например, как пишет преподобный Исаак Сирин, хлеб монахи пекли раз в год, сушили его и потом ели весь год с различными травами и некоторыми овощами, которые можно было вырастить в пустыне: огурцами, оливками и т.п. А свежий хлеб считался утешением, своего рода лакомством, его покупали для больных; он назывался «пастилой». Вкушали и рыбу, если она водилась где-нибудь в озере или в арке. Мясо же монахи не

ели изначально; один из монашеских обетов — это обет поста.

Затем монахами становилось все больше людей, и не все они были настолько духовно, да и физически крепкими. Человек состоит не только из души, но и из тела. Если человек болен, он просто физически не может жить в пустыне, ему необходима медицинская помощь, более калорийное, более здоровое питание. В городе, естественно, легче. Это тоже одна из причин.

И в духовном отношении, конечно, далеко не все способны к великим подвигам, к такому посту, когда едят сухой хлеб, испеченный один раз в год. Да монашество этого и не требует. Этого достигали отдельные люди. Если мы посмотрим, как жили святые, то увидим, что святость — это не обязательно неядение, неспание и какие-то сверхъестественные телесные подвиги.

Мы знаем святых монахов, которые, например, проповедовали христианство. Если взять святость XIX и XX веков, то здесь много преподобномучеников, то есть монахов, принявших мученические венцы за свою веру. Это были обычные люди, жившие в монастырях в нормальных условиях, питавшиеся нормальной пищей. Не обязательно они простаивали все ночи на молитве. Они занимались служением ближним, благотворительной деятельностью, проповедью слова Божия.

Например, русский святой — равноапостольный Николай Японский (1913). Когда он приехал в Японию, там не было Православия; Православие исповедовала только русская миссия, посольство, к которому он, собственно, и был прикомандирован как иеромонах. Когда же святой равноапостольный Николай умер, в Японии было тридцать тысяч

православных христиан, которые обратились к Богу благодаря его проповеди. Он же как правило их и крестил, потом рукоположил священников из японцев; он создал Японскую Церковь. Вот плоды деятельности одного человека. Равноапостольный Николай был монахом. Он нормально питался, нормально спал, не был каким-то «великим подвижником».

Один из величайших святых XIX века — святитель Игнатий (Брянчанинов), епископ Кавказский. Он, я считаю, личность эпохальная. Особенно ценны для современных христиан книги свт. Игнатия. Один из томов собрания его сочинений называется «Приношение современному монашеству». Без свт. Игнатия современное монашество не могло бы существовать, потому что его учение дает ответы на многие духовные вопросы именно современности, которые не были в такой полноте рассмотрены другими святыми учителями христиан. Это учение появилось очень вовремя. Однако в житии святителя Игнатия не говорится, что он был какой-то великий постник и подвижник. Он был очень большим физически человеком. Разумеется, он соблюдал посты как христианин и монах, не вкушал мяса, соблюдал все монашеские обеты, но совершать великие подвиги поста, поклонов и т.п. ему здоровье не позволяло. Неизвестно, чтобы он, например, вкушал пищу раз в неделю или ел только хлеб с водой. Однако свт. Игнатий достиг величайшей степени святости, величайшей степени духовного созерцания, что видно по его книгам. Следовательно, не в неядении и неспании состоит святость.

Духовное совершенство заключается в единении души с Богом, в стяжании благодати Духа Святаго. И самое первое, главное и, можно даже сказать, единственное условие для этого — смирение. А

смирение, как качество богоподобное, является в человеке как следствие исполнения евангельских заповедей. Евангельские заповеди доступны любому человеку, мирянину, и каждый человек, если захочет, сможет их исполнять. Не только монах может жить по Евангелию, но любой желающий этого человек: не убей, не укради, не прелюбодействуй, чти отца своего и мать, если тебя ударили по левой щеке — подставь правую, не гневайся, если с тебя захотят снять верхнюю одежду, отдай и нижнюю, — это может любой человек, если захочет.

— Из Ваших слов видно, что монашество — это собрание людей, которые уже здесь, на земле, без каких-либо компромиссов хотят жить по небесным законам. Это граждане неба, которые живут на земле.

— Именно так.

— В связи с этим хотелось бы поговорить вот о чем. Вы упомянули, что труды свт. Игнатия, его наследие очень актуальны именно для современного монашества. Сейчас мы живем в несколько иную эпоху, чем даже святые недавнего времени, которых Вы упоминали. Современная западная цивилизация — а ее частью уже является современная российская действительность, хотим мы того или нет, — ставит во главу угла, на пьедестал обожествленного человека. Современное общество обожествляет человека в том падшем состоянии, в каком он сейчас, со всеми его, как их называет христианство, страстями. Все сейчас ратуют за естественность, но при этом и в искусстве, и по телевизору, и в жизни мы часто видим самые немислимые извращения — это уже нижеестественные проявления, патологические. И никто не возражает против этого.

То есть современное общество смотрит совершенно в другую сторону, чем человек-христианин. Современное монашество живет совсем по другим меркам, совсем

в другой перспективе, чем вся цивилизация. Но ведь люди приходят в монастырь не из какого-то инкубатора, а из того же мира, воспитанные в том же Советском Союзе или, кто помоложе, в современной России, в той же среде, что и все. Главная задача монашества — стяжание святости — наверное, ныне остается прежней, но, применительно к настоящим условиям, каковы особенности современного монашества? В чем его отличия от классического монашества, о котором мы знаем из патериков и житий святых?

— Заповеди евангельские остаются теми же. И монашеские обеты — те же самые, уже на протяжении тысячелетий. Человеческое общество очень сильно меняется — и в социальном, и в политическом, и в культурном, и в экономическом отношении. А вот монашество остается таким же, как было. Значит, его ценности имеют в себе какую-то жизненную силу, которая неподвластна времени. Хотя многие силы в этом мире пытались уничтожить Церковь и начинали, как правило, именно с монашества, однако эти силы куда-то уходили, а монашество до сих пор живет.

Монахам, конечно, не по две тысячи лет, это тоже современные люди — от восемнадцати до сорока и до шестидесяти лет. Конечно, это феномен: человек, выросший в современной обстановке, в которой многое доходит до безобразия, среди людей с извращенными понятиями, родившийся, как правило, в семье безбожной, или, по крайней мере, нецерковной, — уходит в монастырь. У большинства известных мне монахов родители весьма далеки от Церкви: в лучшем случае — признают существование Бога, а моя мама — до сих пор некрещеная, к моему великому сожалению. Однако люди избирают путь монашеской жизни. Если бы это были единицы, можно было бы предположить,

что это психически ненормальные или фанатики. Но монашество избирают тысячи людей. И не только в России — во всех православных странах, в Греции, даже в США.

Америка, при всем безобразии, которое оттуда исходит, — православная страна. Там несколько миллионов православных христиан. Там растут и крепнут монастыри. Причем распространяют там монашество в основном выходцы с Афона — а это очень строгий вид монашества, очень строгий устав. И находятся люди, которые это принимают и следуют этому. Это не только русские или греки, но и коренные американцы, янки.

С точки зрения человеческой, стремление к монашеству современных людей непостижимо. Его можно объяснить только тем, что в мире действует некая сила, которая посещает некоторых людей. Есть идеалы, которые находятся вне этого мира и не подчиняются ему, и есть люди, которые верят в эти идеалы. А если верят — значит, немножко прикоснулись к ним. Ради этих идеалов люди оставляют все то, что в этом мире считается великим и ценным. Господь сказал: *что высоко пред людьми, то мерзость пред Богом* (Лк. 16; 15). Может быть, не все, но большинство из того, что почитается здесь, — с точки зрения духовной, христианской — ничто. Ощувив это, достаточно многие люди уходят в святые обители и достигают там больших духовных высот.

Возьмем, например, целомудрие. Это один из монашеских обетов: обет поста или воздержания подразумевает также обет целомудрия. Современных подростков учат в школе, что рукоблудие — это нормальное явление, что половая жизнь — это необходимое проявление физиологии. Я не знаю, почему, однако достаточно многие люди не прием-

лют этого; отвращаются от греха, хотя их этому не учили.

Я знаю многих девушек, которые хотят уйти в монастырь и готовят себя к монашеству, хотя они выросли в современном безбожном мире, у неверующих родителей. Они не хотят выходить замуж, не интересуясь этой областью жизни. Они физически нормальные люди, но благодать Божия внушила им стремиться к чему-то другому — к высшей Красоте, к Жениху-Христу. И такие люди хранят девство, чистоту и целомудрие, хотя в нашем мире это совершенно невозможно понять.

Объяснить это можно только тем, что есть Бог, Который избирает некоторые души на служение Себе, показывая им другую, высшую реальность, давая вкусить этой реальности. Вкушение этой благодатной сладости оказывается сильнее всех соблазнов, поэтому такие люди идут за Господом, совершенно спокойно оставляя мир. Посмотришь на них и видишь, что они совсем не чувствуют себя в чем-то обделенными, наоборот.

Монах — это человек, носящий в себе какую-то тайну, светлую тайну.

— *Современное безбожное общество — по крайней мере, на словах, во внешних проявлениях — не борется с религией, с Церковью, однако, на мой взгляд, оно пытается «поглотить» Церковь, включить ее в свою систему ценностей. Если посещение воскресной службы — то оно будет через запятую после посещения Макдоналдса и бассейна. И получается, что монашество — своего рода «бельмо» на глазу безбожного мира, потому что в эту систему никак не вписывается. Мне приходилось достаточно много и близко общаться с монашествующими. И я тоже свидетель того, что*

монашествующие — совсем не «подвинувшиеся» и сбежавшие в монастырь от несчастной любви люди, как многие думают.

— Так думают потому, что представление о монашестве составляют, начитавшись книг, написанных такими же безбожниками, насмотревшись фильмов. Как правило, это фильмы и книги западные, описывающие католическое монашество, а оно, на самом деле, очень отличается от монашества православного.

— *Чем?*

— Даже в художественной литературе о православном монашестве — то есть, в русской классической литературе — иноков никогда не обвиняют в тех пороках, которые описаны в литературе западной. Даже, скажем, в таком классическом примере антимонашеского произведения, как «Отец Сергей» Л.Толстого.

— *Когда я читал эту книгу, несмотря на то, что сам я не монах и не имею опыта монашеской жизни, она мне показалась чудовищно неправдоподобной в психологическом отношении! Сам образ жизни в монастыре, образ отца Сергия — совершенно нежизненный, нелепый какой-то.*

— Образ, несомненно, выдуманный. Лев Толстой не понял монашества, хотя и бывал у оптинских старцев до своего отхода от Церкви.

Тем не менее, я хотел сказать о том, что жизненная трагедия толстовского отца Сергия совсем иная, чем то, что описывается в отношении монахов католических. В таком повальном разврате, как там, никто и никогда не обвинял православное монашество. Всякое, естественно, случилось и случается, поскольку человек есть человек, но падение православного монаха — это величайшая трагедия, и в силу этого они крайне редки. У католиков же это обычное дело, потому что их монашество, как и вся

римская церковь, стало таким мирским, вещественным. Западные авторы потому высмеивают его, что оно перестало быть монашеством, осталась лишь форма.

Современный человек, почитав какие-нибудь «Декамероны», представляет такими же православных монахов. На самом деле это вовсе не так. И стоит такому человеку поехать в монастырь, встретиться с настоящим монахом — думаю, что он крепко задумается.

В монастырь, где я был насельником, приезжали экскурсии — это был уже конец 80-х годов — начало 90-х. Бывали случаи, что юноша с девушкой приезжали в обитель просто погулять, а в результате юноша принимал решение остаться там. Мне известно несколько таких случаев. Однажды и девушка поступила в соседний, Шамординский монастырь и впоследствии приняла там постриг. После поступления в обители они, естественно, друг с другом не встречались.

Сейчас человек имеет возможность выбрать жизненный путь: может уйти в бизнес, если хочет зарабатывать деньги, может пойти в политику, чтобы сделать себе имя, может заняться искусством. Поэтому в наше время человек, стремящийся к монашеству — это тот, кто сознательно выбирает жизнь для Бога. Никто его не заставляет, никто над его душой не стоит, какими-то меркантильными интересами он здесь вряд ли может руководствоваться, поскольку монах дает обет нестяжания. У него по определению ничего не может быть, кроме необходимого: того, что он на себе носит, того, что он кушает, и угла, где он спит. И самое интересное, что людей, уходящих в монастырь сейчас, достаточно много.

Думаю, что любой предубежденный человек переменит свой взгляд, если пообщается с настоящим монахом — действительно с монахом, а не с послушником, который только вчера пришел в монастырь. Другое дело, что, приехав в святую обитель, человек чаще всего сначала встретит такого послушника. Послушник — это еще мирской человек, одетый в подрясник, который еще не дал монашеских обетов. Он, как правило, «набрасывается» на туриста и начинает его сразу поучать, говоря, например, что рок-музыка — сатанизм, культура — сатанизм, вообще, все — сатанизм. Когда такой человек, сам еще толком не знающий, что такое монашество и вообще христианство, начинает всех поучать, это, конечно, очень некрасиво. И если составлять представление о монашестве по таким вот «горе-монахам», то можно найти подтверждение тому, что монахи — ненормальные люди.

Но вы лучше не спешите: походите по монастырю, а лучше — поживите там несколько дней, найдите людей, которые молчат, и задайте вопросы им. Лучше, если человек будет в священном сане. Поговорите с ним о смысле жизни, вообще о духовности, о Боге, о жизненных ценностях — моральных, культурных, — о каких-то ваших жизненных обстоятельствах. Думаю, что ответы, которые вы услышите в таком случае, вас очень сильно удивят. Тогда действительно можно будет составить представление о том, кто такой монах и что такое монашество, и чем занимаются эти люди в монастыре.

— Действительно, когда общаешься, как Вы говорите, с теми, кто молчит — с людьми, много лет проведшими в монашестве, с теми, например, кто имеет опыт афонской жизни, со старцами, подвижниками — всегда поражает какая-то их внутренняя наполненность, удивительная осмысленность всего, что они

делают и говорят. Понимаешь, что эти люди как раз в высшей степени нормальные, в высшей степени цельные, внутренне единые и, что самое, может быть, парадоксальное для современного человека — счастливые.

— Это Вы очень точно сказали. Самых счастливых людей я видел именно в монастыре, и только в монастыре.

— Образ современного человека — это вечно куда-то спешащий, мятущийся, ничем не удовлетворенный, совершенно «разбросанный» человек, находящийся мыслями, как правило, на расстоянии нескольких километров от своего местопребывания. Что-то дрожащее и рассеянное.

— Знаете, Алексей, если побольше порасспрашивать, выяснится, что многие из насельников монастырей, оказывается, в прошлом имели ученые степени, имели высокое положение, могли быть богатыми людьми. Большинство иноков имеют высшее образование. Однако, всё это было оставлено, и они переступили порог обители. Значит, для чего-то это было нужно, значит, они ничего не потеряли, а только приобрели. Потому что, при желании, они могли бы и назад уйти.

— А бывают такие случаи?

— Крайне редко. Ведь сразу, с бухты-баракты никого не постригают. Человек должен прожить в монастыре, как минимум, несколько лет, может быть, десять. Такое испытание и монашескими уставами предусмотрено, чтобы человек посмотрел, куда он пришел, и определился. С другой стороны, это нужно, чтобы несколько развеялись иллюзии, поскольку, приходя в монастырь, человек всегда имеет более или менее мечтательные представления о монашеской жизни. Реальность несколько другая: она выше, и, порой человек не вме-

щает этой высоты. Поэтому всякий пришедший в святую обитель имеет возможность подумать и, пока он послушник,— принять решение уйти назад, в мир. Большинство тех, кто уходит из монастырей, делают это, конечно, еще будучи послушниками. Они не дали обетов монашеских и поэтому никак не погрешают. Человек пожил этой жизнью, понял, что это — не его. Многие из таких людей, вступив в брак, принимают потом священный сан и бывают хорошими пастырями в миру.

— *То есть монашество — это все-таки не для всех.*

— Несомненно, это не для всех, и даже — мало для кого. Это особое Божие призвание. Есть такое изречение преподобного Исаака Сирина: из тысяч один человек доходит до Иордана, и один в несколько поколений переходит Иордан. Это очень глубокие слова.

— *Значит, чтобы уйти из мира недостаточно человеческих усилий? Для этого необходимо избрание Богом?*

— *Не вы Меня избрали — Я вас избрал,*— так сказал Господь (Ин. 15; 16). И еще: *Не может человек ничего принимать на себя, если не будет дано ему с неба* (Ин. 3; 27). Если человек призван Богом, думаю, он уже никуда не уйдет. Как, например, один из старцев нашего времени — схиархимандрит Иоанн (Маслов). Он скончался в 1991 году в Сергиевом Посаде. Этот старец говорил, что, когда есть воля Божия на монашество, как будто некая сила влечет в монастырь, и человек не может ей сопротивляться. Другая жизнь становится немислимой. Будущий схиархимандрит Иоанн ушел в Глинскую пустынь шестнадцатилетним юношей, и с тех пор вся его жизнь была связана с монашеством.

Мне понятны его слова. То есть, человека влечет красота этой жизни, ее глубина, премудрость,

внутренняя красота связанных с ней людей,— какая-то светлая и удивительная тайна, которая за стенами монастыря ждет человека.

Бывают случаи, когда уходят в мир уже принявшие постриг люди. Но, думаю, что это опять-таки те, кто постригся по ошибке. Для каждого такого человека это трагедия. Но я знаю только два-три таких случая. И знаю десятки и сотни людей, которые до крови готовы держаться за свое монашество.

— *Ведь монашество — это как число, которое не делится без остатка. Можно много говорить о нем, писать умные, ученые книги о его истории и практике. Но Вы, наверное, согласитесь со мной, что монашество — это, прежде всего, жизнь. Как и христианство — это, прежде всего, не теория, а жизнь.*

— Несомненно.

— *И наверное, чтобы понять монашество до конца, нужно все-таки самому быть монахом?*

— Чтобы понять до конца — да. Но это не значит, что монашество может понять только монах. Любой человек, когда хочет хотя бы приоткрыть завесу над этой тайной, имеет возможность поехать в святую обитель. По милости Божией, монастыри есть и в Москве, и в Подмосковье, и в любом большом городе. Есть приходы, на которых служат иеромонахи. Можно прийти и побеседовать с монахом, или пожить в обители в качестве паломника несколько дней, или, наконец, приехать туда туристом. Но если вы приедете в группе светских людей, то уж не надо бегать за экскурсоводом, а лучше немножко отделиться от группы и самому походить и посмотреть.

Настоящий монах всегда удивляет каким-то своим внутренним настроением. Это уже — нечто необычное. Слово «инок» значит: человек, живущий

иной жизнью. Человек, не выдумавший эту жизнь,— потому что обманщик есть обманщик, или человек заблуждающийся есть человек заблуждающийся, но человек, именно носящий в себе какую-то иную жизнь, знающий какую-то другую реальность. В разговоре с ним это чувствуется, передается через его слово, через его менталитет, то есть образ его мыслей, можно сказать, через дух, который в нем. От настоящего монаха исходит что-то светлое, что касается нашей души. Духовная окраска, присутствующая монахам,— она удивительна! И стоит пожить в их мире.

Есть такое понятие: святое место, тихая обитель. Почему монастырь называют тихой обителью? Не потому что там нет машин; обитель может в городе находиться. Однако, когда переступаешь ее порог, на сердце ложится какая-то удивительная тишина, неотмирная, какая-то мистическая, духовная тишина. Хочется молчать.

Когда я впервые посетил Оптинский скит — в 1988 году,— меня привел туда один иеромонах поздно вечером. Когда мы вошли на территорию скита, у меня было потрясающее впечатление: я остановился как вкопанный, и мне хотелось только молчать, и внешне, и внутренне; больше ничего. Это какое-то особое молчание, благодаря которому ты становишься причастен какой-то тайне иного мира, иного века. Уходить не хотелось; в мыслях — полная тишина; так хорошо, сладко и удивительно! Потом, к сожалению, все так уже не воспринималось: я и жил какое-то время в скиту, а потом часто там бывал.

Все-таки в любом монастыре, в любом святом месте это чувствуется. Даже если разрушенный монастырь или разрушенный храм. Это все равно некое окно или некая дверь в

иной мир. Можно побывать там и почувствовать это.

— У одного современного православного богослова мне встретилась такая мысль, что и во времена мученичества, в первые века христианства все-таки не каждый христианин был мучеником. Мученики тоже были какой-то избранной частью христиан, которую Бог избрал для такого служения. Тем не менее, мученичество выражало суть христианской жизни. Это был такой авангард Церкви. А в наше время, когда нет мученичества в таких масштабах, эту функцию исполняет монашество. Не каждый христианин является монахом, не каждый к этому призван, но монашество — это соль, которая не дает испортиться всему христианскому обществу.

Ведь христианство и духовную жизнь очень легко свести к удовлетворению наших мирских нужд: к обрядности, к традиции, к культуре, к нуждам здоровья, богатства, четвертого телевизора, пятой машины, к бытовому христианству. Монашество предохраняет земную Церковь от такого обмирщения. Оно все время показывает на небо: вот, смотрите — там родина наша, туда надо смотреть. Правильно так понимать монашество?

— Монашество — это проповедь христианства жизнью. Не словом даже, а жизнью. Хотя монах, если есть Божие благословение, и слово скажет.

Ведь христианство не лишает человека земной жизни. Не грех помолиться о решении квартирного вопроса, который для многих достаточно актуален. Плохо, когда вся вера сводится только к квартирному вопросу, к вопросу здоровья, богатства и т.д., потому что человек состоит не только из тела, но и из души.

Действительно: монах — это человек, который не связан ничем в этом мире, ничего в нем не имеет в

материальном отношении, но имеет Христа. Монашество действительно выражает тайну христианства, как и мученики выражали тайну христианства в древние века. Но нельзя свести все христианство к мученичеству; это значило бы немножко обеднить его; к мученичеству были призваны единицы. Мученичество — это торжество веры, торжество победы воскресения над смертью. Мученики шли с радостью на страдания и посрамляли гонителей и мучителей, потому что верили в воскресение. И такова была сила их веры, что сами мучители, видя, как умирают за Христа, часто тут же становились христианами, и их тоже убивали за веру. Это каждый раз было чудом.

Монах настоящий — тоже человек, который живет в ином мире. Он живет и здесь, на земле, однако живет по законам царства небесного. И всей своей жизнью он проповедует это царство. Поэтому, как сказал преподобный Иоанн Лествичник, «монастырь есть рай на земле». И монахи — это ангелы, то есть они являют образ ангельского жительства. Есть еще одно известное для православных людей изречение преподобного Иоанна Лествичника: «Монахи — свет мирянам, а монахам свет — Ангелы». То есть монах призван показывать путь своей жизнью остальным христианам.

Говорить сейчас все умеют, и всегда были люди, умевшие говорить, но, как сказал один из святых, слово получает свою силу от силы жития. И о Господе говорится в Евангелии, что *Он учил не как книжники и фарисеи, а как власть имеющий* (Мф. 7; 29). Далек не каждый христианин может так говорить. И только тот монах действительно признается монахом, который живет по-монашески, и его слово, его облик об этом свидетельствуют, говорят о том, что человек живет иным миром.

Монах живет на земле за послушание: он должен пока здесь побыть. Как пишет св.апостол Павел: *имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше; а оставаться во плоти нужнее для вас. И я верно знаю, что останусь и пребуду с вами для вашего успеха и радости в вере* (Флп. 1; 23–25). Монаха, человека, живущего другой жизнью, ничто здесь не держит: он может лечь и умереть, и настоящий монах хочет умереть. Не потому, что здесь плохая жизнь, — она самая хорошая, поскольку монах все в своей жизни сумел поставить на свои места. Он не отказывается от жизни материальной, но главными для него являются другие утешения и радости. На небесах же он получит все это в совершенстве, поэтому душа, конечно, стремится туда. Но для этого надо побыть на земле, подготовиться, поработать над собой, принести покаяние. Когда придет время, Господь возьмет и в вечность, если, конечно, удостоимся.

— *А какие сегодня существуют формы монашества и формы подготовки к монашескому жительству?*

— В целом монашество очень разнообразно. Оно имеет разные формы, разные делания. За две тысячи лет Церковь воспитала очень многие поколения монашествующих. Мы знаем, что были монахи-миссионеры, монахи-просветители, монахи, которые заботились о бедных и больных, монахи, которые учили детей в школе, были безмолвники, отшельники, духовные писатели. Думаю, что многообразие монашеских деланий будет увеличиваться. Все во славу Божию, все во спасение души. Только строиться монашеская жизнь должна на молитве, на внутреннем подчинении себя Евангелию. Если это есть, то все остальное приложится обязательно.

Вообще монашество — значит уединение. Это определенная культура жизни, для которой необходимы

определенные условия, поэтому тому, кто думает о монашестве, лучше, наверное, жить при храме. Думаю, что какой-нибудь сельский или даже городской храм такую возможность предоставить человеку может.

Кстати, при многих мужских монастырях существуют женские общинки, люди принимают постриг с благословения архиерея и наместника обители, и трудятся там: в любом мужском монастыре есть какая-то женская работа. Можно избрать и такой образ жизни.

Нужно ли принимать постриг,— это уже должен решать духовник и архиерей, поскольку без благословения архиерея постриги совершать запрещено. Последний собор Русской Православной Церкви это подтвердил, но ничего нового это собой не представляет; поскольку, согласно канонам Православной Церкви и древним постановлениям, такое серьезное дело, как монашеский постриг должно осуществляться с благословения правящего архиерея епархии.

Но все-таки мне кажется, что если человек дает монашеские обеты, значит нужно жить монашеской жизнью; если же не дает монашеских обетов и не желает уходить в монастырь, значит нужно жить в миру и смиряться. Ведь монашество — это форма, главное — спасти свою душу. Что толку постричься, а потом не исполнить никаких обетов?

Когда будет Божия воля, Господь совершенно явно откроет, что нужно постригаться, и даже нельзя будет укрыться от этого.

Мне известен случай, когда одна старенькая монахиня, жившая на квартире, просила у схиигумена Саввы из Псково-Печерской обители благословения уехать в какой-то монастырь, в горы, где

были подвижники, отшельники. А он ей говорил: если нужно безмолвие, пожалуйста, знай свою квартиру и храм, где она была алтарницей, вот и отшельничество, вот и безмолвие. Она так и прожила до самой смерти.

— *А каково значение монашества для Церкви и для всего мира?*

— Церковь существует в мире для спасения людей, для того, чтобы приводить их к Богу, освящать Таинствами, проповедовать евангельское слово Истины, насаждать в них истинное, православное мировоззрение. И монашество призвано сохранить евангельскую жизнь. Если мы посмотрим на историю Церкви, то найдем, что самыми стойкими защитниками Православия, особенно во времена смут и во времена борьбы с ересями, были монахи.

Но важно не только то, что они отстаивали православные догматы. Вообще, их догматическое стояние в истине прежде всего основано на том, что они жили Евангелием, что смысл жизни монаха — в богоугождении, в исполнении воли Божией. И, живя по заповедям, человек становится присущим благодати Духа Святого, ему открываются многие духовные тайны, ему открывается красота Православия, непоколебимая истина православной веры. Он уже проповедует православные догматы не столько своим словом, сколько делом, своей жизнью. И прежде всего поэтому монашество является хранилищем Преданий Православной Церкви — как догматического, так и нравственного. То есть монахи показывают миру, как нужно жить.

Я уже говорил, что иногда достаточно просто посмотреть, как живут монахи, и один внешний вид их уже скажет о многом. Когда же доводится беседовать с ними, часто открывается совершенно уди-

вительный мир, очень высокий, очень красивый, глубокий. Я был во многих монастырях, и в каждом из них есть свои праведники. Можно сказать, что большинство братии монастыря — это люди, которые пришли туда по призванию, которым открылся какой-то небесный свет, и они носят его в себе и светят всем окружающим, исполняя евангельские слова Господа: *Вы — свет мира, не может укрыться город, стоящий на верху горы* (Мф. 5; 14).

— *Наверное, и для тех, кто считает себя безбожником, монашество тоже имеет важное значение, потому что настоящие монахи молятся за весь мир.*

— Да, конечно, молитва — это существенная сторона монашеской жизни. Монах — это молитвенник за весь мир; прежде всего — за себя, за своих близких, близких по плоти и близких по духу. Когда монах вымолит себя, принесет покаяние за себя, он начинает приносить покаяние за весь мир. Собственно, молиться за весь мир — это назначение схимника, но это можно сказать и о каждом монахе, поскольку в обителях богослужение совершается ежедневно и монахи посещают их ежедневно, и во всех службах: Литургии, утрени, вечерне — есть прошение о мире всего мира, о благостоянии святых Божиих Церквей, о благорастворении воздуха, о изобилии плодов земных и т. п. И поэтому этот молитвенный подвиг монашества вообще остается очень сокровенным, весьма немногие люди понимают его красоту, соприкасаясь с монашеской жизнью, общаясь с представителями монашества.

— *А когда случаются какие-то катаклизмы, когда Отечество оказывается в опасности, тогда духовные лица порой играют очень важную роль, организующую или вдохновляющую.*

— Да, мы знаем, что когда поляки, католики, в 1612 году шли на Русь, желая устроить крестовый поход, уничтожить Православие в России, то против них поднялись простой человек, купец Минин, которому явился преподобный Сергей и подвигнул его на борьбу с захватчиками, и князь Пожарский. А благословил их священномученик Ермоген, патриарх Московский. И его благословение, его деятельность, его подвиг, можно сказать, сыграли решающую роль в то страшное время. Несмотря на то, что он был захвачен поляками в Кремле и находился в плену, в заточении, он и оттуда поднимал народ на борьбу. Я думаю, что если бы не его пастырское слово, не его призыв, не его благословение, вряд ли все закончилось так успешно и мы изгнали бы этих иностранных поработителей.

И всегда, когда наступали трудные времена, Церковь благословляла народ с оружием в руках выйти на защиту Отечества. Например, когда в том же 1612 году была осаждена поляками Троице-Сергиева Лавра, простые монахи взяли в руки оружие и защищали людей, которые там находились. Иеромонахи оружия в руки не брали, так как не имеют права этого делать, а простые монахи — брали, тем более что некоторые из них в мирской жизни, до поступления в монастырь, были воинами.

Поэтому, когда наступает исключительный период в жизни страны: война, революция и т. п., — пастырь должен своим словом вести людей на защиту Отечества. Но в мирные времена, мне кажется, пастырь должен совершать Литургию, приводить людей к покаянию, увещевать их ко спасению. Да, он может высказать свое мнение о ситуации, сложившейся в стране, но в целом выходить на площади и на демонстрации я бы не стал.

— Благодарю Вас, батюшка, за такой содержательный и интересный рассказ о монашестве. Наверное, это прозвучит парадоксально, но для современного человека, для современной культуры, общества, монашество, может быть, непонятно в частности тем, что монах — это человек, который нашел смысл жизни. Мир, сбиваясь с ног, что-то ищет: национальную идею, или еще какую-нибудь, — пытается чем попало заполнить пустоту своего существования. А жизнь монаха для внешнего наблюдателя — как будто совершенно простая и однообразная; даже его внешний облик. А на самом деле — у него жизнь наполнена с избытком.

— Что касается современного общества и его культуры, хочу привести слова Федора Михайловича Достоевского. Он говорит, что, может быть, спасение России вновь выйдет из монашеской кельи, как это уже не раз бывало в ее истории. Это говорит великий писатель и философ.

Современная культура пыталась отказаться от религии, от Церкви, от монашества, святости, духовных идеалов. Что такое пролеткульт — мы видели. Думаю, что лет через двадцать он будет вообще забыт со всеми своими, так сказать, идолами.

Монашество как раз призвано обогатить современную культуру, одухотворить ее, освятить своими высокими исканиями, указать ей путь. И монашество вполне может жить без мира. Но есть Божия воля, чтобы монашество было теснейшим образом с миром связано, чтоб оно отдавало миру свое тепло и свет. Это — тоже одна из причин того, что монахи переселились в города. Монахи и в пустыне проживут, но проживет ли город без монахов?

